

Философия судьбы. Одна из версий

Андрей Янкус

Однажды в телевизионном интервью Лакан обронил фразу «Я никогда не говорю про свободу». Оценить остроту жеста можно, обратившись к контексту: фраза была произнесена в 1972 году, когда ещё не на все улицы Парижа вернулась брусчатка, разбирая которую, участники «Красного мая» стремились обнаружить заветный пляж.

Миф о свободе в неотрефлексированном виде до сих пор бережит наши сердца. Нетрудно проронить слезу над стихотворением о ней, каждый год это слово звучит в песнях и фильмах, но если попытаться выяснить, что конкретно оно значит, в общем, будем иметь: свобода это хорошо, а несвобода — плохо. Свобода — возможность выбирать, пойти куда хочешь, говорить что хочешь, что хочешь делать, а в идеале — и не делать ничего, если уж таков твой выбор.

Сегодня тема свободы обретает новую проблематику: не только и не столько из-за политических обстоятельств, сколько из-за контекста цифровизации, развития алгоритмов и принципиально новых систем контроля. В цифровой среде мы получили возможность в упор разглядеть пределы свободы: алгоритмы социальных сетей воспроизводят наши желания, привычки и страхи в виде замкнутых циклов.

Лакан говорит о судьбе, о случайности, о повторении, но никогда — о свободе. Поэтому так велик соблазн именно в его наследии поискать ответ на вопрос: возможна ли она, эта свобода, и в каком смысле?

Но давайте отвлечёмся от психоанализа и возьмём в руки «Этику» Спинозы. Выбор не случаен: именно здесь формируется матрица лакановской картины (подтверждением тому — многочисленные ссылки на философа в семинарах Лакана). Свобода у Спинозы ничего общего не имеет с произвольным выбором вне всяких причин. Он радикально разделяется с иллюзией «я мог бы поступить иначе»: будто существует некая воля, свободная от всяких оснований.

Когда источник нашего действия — внешние причины (страсти, случайные встречи, обстоятельства), мы захвачены несвободой. Но если мы проясняем цепочку причин, которая нас определяет, и видим её необходимость, это знание перестраивает сам модус нашего существования: мы перестаём быть пленниками внешнего и начинаем действовать из собственной природы. Так формируется спинозианское понимание свободы, такое парадоксальное для мейнстримного современного сознания, воспитанного на идеях либерализма: свобода есть способность понимать и осознавать

необходимость, истинную обусловленность своих поступков. Свободен не тот, кто выбирает случайно, но тот, кто понимает, почему он поступает именно так, как поступает.

Лакан пересаживает эту мысль из метафизики универсальных законов природы на материалистическую почву языка и бессознательного.

Во втором семинаре он показывает, что анализ позволяет субъекту открыть «свою истину, то есть то значение, которое в его особой судьбе принимает данный ему жребий». Судьба — это не сценарий, написанный кем-то заранее, а ткань, сотканная из семьи, обстоятельств, случайных встреч, в которых вырисовываются узоры повторов. Там, где мы не обусловлены генетикой, мы оказываемся в плену заложенных воспитанием и культурной паттернов, рекламных образов etc.

Картинка полной детерминированности вызывает отторжение, которое сам Лакан назвал бы сопротивлением. Часто люди, впервые встретившиеся с учением Лакана, отрешиваются от него: фу, это так пессимистично! Сплошной мрак.

Но обращение к Спинозе помогает назвать то, что у Лакана остаётся невыраженным прямо. У Спинозы человек свободен постольку, поскольку понимает причины своих аффектов и переводит их из страстей (пассивных состояний) в действия (активные состояния). У Лакана то же самое приобретает другой язык: анализ позволяет перестать быть игрушкой повторов и случайностей, разглядев, как именно твой жребий превратился в твою судьбу. Это не отменяет повтор, но даёт возможность удерживать позицию в отношении своего желания. Отсюда и этический императив: «не сдавайся в своём желании».

«Случайности толкают нас направо и налево, а мы делаем из них — потому что это именно мы сплетаем её — нашу судьбу» — говорит он в семинаре XXIII.

Вчитаемся в двойственность этой фразы: указывает ли Лакан только на тот факт, что на массу случайных и разрозненных событий мы постфактум лепим какой-то нарратив? В таком случае речь шла бы о биографии, но судьба — это не хронология фактов, цементированных историей, которую мы рассказываем себе и другим. Измерение судьбы принадлежит к тому, что древние греки называли *anánkē* или *moira*: неизбежность, рок. Ахиллес знает, что умрёт у стен Трои, и именно это знание делает его поступок свободным — потому что свобода здесь уже не произвол, а принятие необходимости, превращение жребия в действие.

Свобода проявляется не в отрицании судьбы, а в её признании. Не в том, чтобы сказать: «моя жизнь могла бы быть иной», а в том, чтобы увидеть, каким образом из хаоса случайностей складывается фигура судьбы, чтобы в этом узнавании открыть

горизонт будущего: будущее не как принципиально открытая площадка для действия и выбора, но как возможность разглядеть в уже прожитом линии, ведущие дальше.

Судьба — вот тропинка, пролегающая между Сциллой и Харибдой природной и культурной обусловленности. И свобода в ней — это способность превратить рассказ о действии в реальность действия.